

МОЯ ПЯТАЯ ЖИЗНЬ

ВЕРОНИКА ДИКАЯ

Вероника Дикая

Моя пятая жизнь

<https://litres.ru/74597419>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четыре жизни научили меня главному: хорошее воспитание от смерти не спасает. Ни послушание, ни безупречная репутация, ни попытки изменить будущее не помогли мне избежать печального конца.

На этот раз я решила действовать иначе — и стала невестой принца Лианора.

Наш уговор прост: фиктивная помолвка, отдельное поместье и свобода заниматься своими делами. Мне нужна возможность разгадать тайну собственных возвращений. Что нужно принцу — вопрос, на который он почему-то не торопится отвечать.

Зато охотно напоминает о предстоящей свадьбе, слишком внимательно следит за мной и совершенно не умеет держать положенную фиктивному жениху дистанцию.

Я собиралась изучать лекарственные растения Каймарка, а не привыкать к его улыбке. Но местный целитель уже заметил странность в моей магии, Лианор явно знает больше, чем говорит, а наше притворство становится опасно убедительным.

В этот раз я намерена выжить.

Желательно — не влюбившись в мужчину, которому пока не могу доверять.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	55

Вероника Дикая

Моя пятая жизнь

Глава 1

— Валирия Эльдриган, я, принц Нортал Гордридж, перед лицом королевского двора объявляю о расторжении нашей помолвки. Твоё недостойное поведение, высокомерие и жестокость по отношению к леди Селестине не позволяют мне видеть в тебе будущую супругу и принцессу королевства...

И дальше всё то же самое.

Бла-бла-бла.

Эту речь я знала наизусть. Каждое слово, каждую паузу, каждый исполненный праведного негодования вздох. Я могла безошибочно угадать, когда Нортал нахмурит свои безупречные тёмные брови, когда сожмёт пальцы на эфесе церемониальной шпаги, а когда бросит полный нежности взгляд на хрупкую девушку, спрятавшуюся за его плечом.

Я слышала эту речь уже в пятый раз.

Когда-то первые его слова были подобны удару кинжала. Теперь же они напоминали надоедливую песенку, которую слишком часто играли уличные музыканты. От неё сердце больше не сжималось от боли, слёзы не подкатывали к глазам, а голос не норовил предательски задрожать от перепол-

нявших меня чувств.

В огромном бальном зале царила почти благоговейная тишина. Даже оркестр замер, оборвав мелодию на полутакте. В свете сотен свечей хрустальные подвески люстр сверкали холодными гранями, бросая разноцветные блики на позолоченную лепнину и гладкий мраморный пол. Придворные, приближённые королевской семьи и представители древнейших аристократических родов слушали принца, затаив дыхание. Никто не хотел пропустить ни единого слова. Всё-таки не каждый день наследник престола публично разрывает помолвку с дочерью одного из самых влиятельных герцогских домов.

Дамы прятали довольные улыбки за кружевными веерами. Мужчины сохраняли бесстрастные лица, хотя в их глазах горел живой интерес. Кто-то уже наверняка подсчитывал, как падение семьи Эльдриган изменит расстановку сил при дворе. Кто-то мысленно сочинял новую версию произошедшего, которую можно будет пересказать за утренним чаем. А кто-то просто наслаждался чужим унижением, радуясь, что сегодня в центре всеобщего внимания оказался не он.

Я же стояла под десятками жадных взглядов и со скукой смотрела в высокое окно.

За стеклом где-то вдали мерцали городские огни, обещая свободу, шумные улицы и множество дорог, по которым я ещё не успела пройти в этой жизни.

«И чем бы мне теперь заняться?» — лениво размышляла

я, пропуская мимо ушей очередное обвинение.

Можно было заняться торговлей. В третьей жизни у меня неплохо получалось вести счета и заключать сделки. Или открыть небольшую гостиницу у моря — в четвёртой жизни я часто мечтала о месте, где пахло бы солью, свежим хлебом и травяным чаем. А может, стоило наконец отправиться путешествовать? Пятый раз проживать одну и ту же молодость было утомительно, зато накопленный опыт открывал удивительное количество возможностей.

Главное — на этот раз не повторить ошибок первой жизни.

Тогда я ещё была наивной девушкой, искренне верившей, что родители непременно защитят свою единственную дочь. Мне казалось, что достаточно вернуться домой, переступить порог родового поместья и броситься в объятия матери — и всё снова станет хорошо. Отец разгневан, потребует объяснений, а затем непременно найдёт способ восстановить моё доброе имя.

Однако после объявления о разрыве помолвки родители меня не приняли.

Карета, в которой я покинула королевский дворец, остановилась перед высокими коваными воротами нашего столичного особняка. Я помнила тот день до мельчайших подробностей: тяжёлое серое небо, пронизывающий ветер и мелкий дождь, похожий на ледяную пыль. На мне всё ещё было бальное платье — слишком тонкое и открытое для та-

кой погоды. Подол промок и испачкался в дорожной грязи, украшенные вышивкой туфли быстро начали пропускать воду, а пальцы онемели от холода.

Я снова и снова стучала в ворота, звала привратника, просила передать родителям, что я вернулась. За оградой горели тёплые огни. В окнах виднелись смутные тени слуг, но никто не спешил впустить меня внутрь.

Сначала я не могла поверить в происходящее. Затем начала плакать. Я сидела прямо на мокрой земле возле ворот и рыдала, не зная, куда идти и что делать дальше. В одно мгновение я лишилась жениха, положения в обществе, семьи и дома. Будущее, которое ещё утром казалось ясным и неизблемым, рассыпалось на осколки.

Отец всё-таки вышел ко мне.

На краткий миг я подумала, что он не выдержал и решил простить меня. Я поднялась ему навстречу, цепляясь за эту надежду как утопающий за протянутую руку. Но отец даже не открыл ворота. Он остался по другую сторону кованой ограды и смотрел на меня так, словно перед ним стояла не дочь, а назойливая попрошайка.

— Уходи — произнёс он холодно — Ты опозорила наше имя. У меня больше нет дочери.

Эти слова ранили сильнее, чем публичное отречение Нор-тала.

Я умоляла отца выслушать меня, пыталась объяснить, что обвинения были ложью, но он лишь велел страже прогнать

меня. Один из стражников неловко отвёл взгляд, другой сухо повторил приказ хозяина. И я ушла.

Долго брела по бесконечным городским переулкам, не разбирая дороги. В тех кварталах никто не интересовался ни моим именем, ни происхождением. Там не знали Валириу Эльдриган — бывшую невесту наследного принца. Прохожие видели лишь растерянную девушку в испорченном дорогом платье. Одни торопливо проходили мимо, другие бросали любопытные взгляды, а третьи усмехались, принимая меня за сбежавшую любовницу какого-нибудь богача.

Каждый мой шаг отдавался гулким эхом между каменными стенами. Улицы становились всё уже и темнее. Из щелей между домами тянуло сыростью, возле сточных канав копошились крысы, а холодный ветер легко проникал сквозь тонкую ткань платья. Я не ела с самого утра. Голод болезненными спазмами скручивал живот, ноги дрожали от усталости, а промокшие волосы липли к лицу.

Именно тогда, в одном из безымянных переулков, я столкнулась с милой старушкой.

Она выглядела настолько неуместно среди грязных стен и разбитой мостовой, что поначалу мне показалось, будто передо мной возникло видение. На женщине был дорогой кашемировый плащ глубокого винного цвета, отделанный мягким мехом. В мочках её ушей сверкали крупные бриллианты, а унизанные перстнями пальцы уверенно сжимали трость с массивным золотым набалдашником в виде львиной

головы. Седые волосы старушки были аккуратно уложены, спина оставалась прямой, а в ясных серых глазах светились живой ум и проницательность.

Она окинула меня внимательным взглядом — от растрёпанных волос до перепачканного подола, — но в её лице не было ни презрения, ни жалости.

— Ты умеешь работать, девочка? — спросила она.

От холода у меня стучали зубы, а от голода темнело в глазах, но я всё же заставила себя выпрямиться.

— Научусь — ответила я.

Старушка несколько мгновений молча изучала меня, а затем удовлетворённо кивнула.

— Хороший ответ. Идём.

Так госпожа Агнесса пригласила меня в свой дом. Она подарила мне не только тёплую комнату и горячую еду, но и работу — возможность снова стать частью жизни, вернуть себе чувство собственного достоинства и начать мечтать о будущем, которое ещё можно было построить.

Я стала её личной горничной.

И именно тогда впервые поняла: разрыв помолвки был не концом моей жизни.

Он был её началом.

Здесь я нашла не только пищу для тела, но и пищу для духа. В доме госпожи Стредвиг меня впервые окружили доверием, спокойствием и той почти незаметной заботой, которую раньше я принимала за нечто само собой разумеюще-

еся. Никто не кричал на меня из-за случайно разбитой чашки, не попрекал куском хлеба и не напоминал при каждом удобном случае, что я обязана быть благодарной за своё существование. От меня требовали честности, аккуратности и усердия, но никогда — унижительной покорности.

Поначалу я испуганно вздрагивала, когда госпожа звала меня по имени, и всякий раз ожидала выговора. Однако вместо наказаний она поручала мне всё более важные дела: разобрать письма, проверить счета у поставщиков, подготовить одежду к приёму гостей или проследить, чтобы в её дорожные сундуки не забыли положить лекарства. Постепенно я поняла, что она действительно доверяет мне, а не просто испытывает, выжидая подходящего момента, чтобы выставить за дверь.

У меня появились и маленькие радости, из которых незаметно складывалось настоящее счастье. Горячий чай с мёдом после долгого дня. Запах свежего хлеба, доносившийся из кухни ранним утром. Тихие разговоры с другими слугами у очага. Новая лента для волос, подаренная экономкой на зимний праздник. Возможность спать в собственной комнате, пусть совсем небольшой, но тёплой и чистой. Даже стук дождя по крыше казался уютным, потому что теперь мне не приходилось думать, где укрыться от непогоды.

Госпожа Стредвиг позволяла мне брать книги из своей библиотеки. Сначала я выбирала простые романы, а затем перешла к истории, географии и торговому делу. По вечерам

я медленно водила пальцем по строчкам, разбирала незнакомые слова и старательно переписывала их в старую тетрадь. Иногда хозяйка замечала меня за чтением и задавала вопросы, заставляя не просто повторять написанное, а рассуждать. Благодаря ей я училась смотреть на мир шире той крошечной вселенной, в которой прежде существовала. Оказалось, что за пределами столицы лежат другие королевства, шумят моря, тянутся караванные пути и живут люди, совершенно не похожие на тех аристократов, среди которых я выросла.

Рядом с госпожой Стредвиг я снова научилась мечтать. Мне хотелось накопить денег, получить образование и однажды открыть собственное небольшое дело. Впервые моё будущее зависело не от выгодной помолвки, фамилии отца или чужой милости. Оно принадлежало мне — по крайней мере, тогда я в это верила.

Так прошла моя первая жизнь. Она была недолгой, но по-своему счастливой. И оборвалась, когда мне исполнился двадцать один год.

Вторая жизнь встретила меня не болью, а растерянностью. Очнувшись после очередного разрыва помолвки, я долго стояла посреди бального зала, пытаюсь осознать, что всё началось заново. Те же лица, те же перешёптывания за раскрытыми веерами, те же сочувственные и злорадные взгляды. Только я была уже другой. В моей памяти сохранились годы, проведённые в доме госпожи Стредвиг, прочитанные книги, тёплые вечера у очага и горькое знание о том, что эта жизнь

тоже может оборваться слишком рано.

В родительский особняк я даже не поехала. Пока я пыталась прийти в себя и собрать осколки новой реальности в нечто осмысленное, папенька и маменька уже покинули бал.

Без меня.

Когда один из лакеев неохотно сообщил об их отъезде, я лишь коротко рассмеялась. В прошлой жизни эта новость разбила мне сердце. Теперь же она всего лишь подтвердила то, что я давно знала: у ворот родительского дома меня никто не ждал. Возвращаться туда, чтобы снова сидеть на холодной земле, плакать и униженно просить впустить меня, я не собиралась.

Я сняла неудобные бальные перчатки, подхватила тяжёлые юбки и направилась прочь от дворца. Музыка за моей спиной зазвучала вновь, словно никакой Валирии Эльдриган никогда не существовало. Через несколько минут обо мне будут сплетничать, через день найдут новую тему для разговоров, а спустя неделю моё имя станет лишь предостережением для других молодых аристократок.

Я шла по длинной аллее, слушая сухой стук каблуков по камню. Ночной ветер путался в волосах и шептал старые истории в кронах деревьев. Фонари вдоль дороги дрожали тусклыми золотистыми огнями, выхватывая из темноты мокрую листву и белые статуи. Я надеялась вновь встретить госпожу Стредвиг. Мне казалось, судьба должна повториться в точности: тот же переулок, та же представительная ста-

рушка с тростью, тот же вопрос о том, умею ли я работать.

Но госпожа Стредвиг так и не появилась.

Вместо неё на рассвете мне встретился торговый караван. Десяток тяжело нагруженных повозок медленно двигался по дороге, поскрипывая колёсами. Лошади устало фыркали, погонщики перекрикивались, а вооружённые охранники настороженно всматривались в заросли по обе стороны пути. Воздух был пропитан запахами пыли, кожи, пряностей и мокрой шерсти.

Я отошла к обочине, пропуская караван, и невольно принялась рассматривать товары. Из-под натянутых полотнищ выглядывали сундуки с редкими тканями: тончайшим шёлком, узорчатой парчой и полупрозрачным полотном, которое в столице ценилось почти на вес золота. В открытых ящиках лежали заморские наряды непривычного покроя, янтарные бусы и изящные заколки, украшенные драгоценными камнями. Другие повозки везли мешки с пряностями, бочонки с маслами и тщательно упакованную посуду.

В первой жизни я многому научилась, помогая госпоже Стредвиг вести домашние счета. Мне хватило одного взгляда, чтобы понять: караван богатый, хорошо охраняемый и направляется издалека. А ещё я заметила, что среди торговцев есть женщины, значит, моё присутствие не станет непреодолимой помехой.

Терять мне всё равно было нечего.

Я остановила главную повозку и попросила разговора с

хозяином каравана. Купец — широкоплечий мужчина с густой седеющей бородой — оглядел моё бальное платье, расчёпанные волосы и испачканные дорожной пылью туфли. В его глазах промелькнуло подозрение.

— Сбежавшая невеста? — спросил он.

— Бывшая невеста — поправила я — И мне нужно покинуть столицу.

В обмен на место в караване я предложила драгоценности, которые были на мне: серьги с сапфирами, жемчужное ожерелье, несколько золотых браслетов и фамильное кольцо. Купец долго проверял камни, подносил их к свету и что-то подсчитывал в уме. Он наверняка собирался назвать цену втрое ниже настоящей, но годы работы со счетами не прошли даром. Я спокойно перечислила примерную стоимость каждого украшения и потребовала не только довезти меня до ближайшего крупного города, но и вернуть разницу деньгами.

Торговец расхохотался.

— А ты не так беспомощна, как выглядишь. Может и поработать у нас захочешь?

А я подумала почему бы и нет.

Так началась моя вторая жизнь.

Сначала я выполняла самую простую работу: вела записи, пересчитывала товар, следила за припасами и помогала готовить повозки к отправлению. Потом стала участвовать в переговорах. Я быстро научилась различать сорта тканей

на ощупь, определять качество жемчуга по блеску и узнавать поддельный янтарь. Я запоминала, где дешевле покупать специи, в каких городах особенно ценят северные меха и какие украшения войдут в моду при королевском дворе в следующем сезоне.

Дорога стала моим домом. Я видела шумные приморские города, где над пристанями кричали чайки, пересекала бескрайние равнины и ночевала под звёздами, казавшимися вдали от столицы особенно яркими. Я научилась торговаться на нескольких языках, понимать людей по жестам и улыбкам, не доверять слишком выгодным предложениям и всегда иметь запасной путь для отступления.

Со временем у меня появились собственные деньги, связи и небольшая доля в общем товаре. Я больше не была отвергнутой аристократкой, обречённой просить милостыню у ворот родного дома. Моё имя знали купцы, ремесленники и владельцы постоялых дворов. Я сама выбирала, куда отправиться, что купить и кому продать. Впервые я почувствовала вкус настоящей свободы — терпкий, опасный и пьянящий.

Но и эта жизнь оказалась недолгой.

Я снова умерла в двадцать один год.

Третью жизнь я решила начать иначе. На этот раз я не стала ждать, пока родители уедут из особняка и оставят меня одну. Едва покинув бал, я поспешила в родительский дом, поднялась в свою прежнюю комнату и забрала всё, что действительно принадлежало мне: серьги, ожерелья, браслеты,

кольца и украшенные драгоценными камнями заколки. Даже в прошлой жизни я не решилась прикоснуться к этим вещам, всё ещё считая их частью семьи, которая так легко от меня отказалась. Теперь же прекрасно понимала: если не заберу их сейчас, то больше никогда не переступлю порог этого дома.

Я сложила драгоценности в небольшую шкатулку и отнесла в ломбард на другом конце столицы, где меня не могли узнать. Хозяин заведения долго рассматривал камни через увеличительное стекло, проверял золото и старательно скрывал жадный блеск в глазах. Он заплатил мне гораздо меньше настоящей стоимости украшений, однако полученных монет оказалось достаточно, чтобы начать новую жизнь. Я купила удобную дорожную одежду, крепкие сапоги, сумку с самым необходимым и в тот же день покинула столицу.

После странствий во второй жизни дороги больше не пугали меня. Я уже знала, как выбирать надёжные постоялые дворы, где искать попутчиков и каким торговцам можно доверять. Но в этот раз меня не интересовали ни редкие ткани, ни драгоценные камни, ни заморские товары. Я решила, что буду путешествовать ради самого путешествия. Мне хотелось увидеть мир без расчётов и обязательств, пройти по неизвестным тропам, побывать в местах, до которых прежде не успела добраться, и хотя бы ненадолго забыть о смерти, неизменно ожидавшей меня в двадцать один год.

Почти полгода я переезжала из города в город. Видела ту-

манные горные долины, зелёные равнины, покрытые цветущими травами, и небольшие селения, затерянные среди вековых лесов. Я никуда не торопилась, подолгу задерживалась там, где мне нравилось, разговаривала с местными жителями и постепенно начинала верить, что на этот раз судьба приготовила для меня нечто особенное.

Именно тогда я встретила господина Зульманда — известного медика и травника, о котором рассказывали удивительные истории. Говорили, что он способен распознать редкую болезнь по одному взгляду на пациента, а в лесах находит целебные растения даже среди зимы. Наша встреча произошла совершенно случайно. На одном из постоянных дворов заболел ребёнок хозяина, и среди ночи туда привели пожилого мужчину в потёртом дорожном плаще, с тяжёлой сумкой через плечо. Пока остальные в растерянности толпились у дверей, я помогала ему кипятить воду, растирала травы и выполняла короткие указания. Ребёнка удалось спасти, а утром Зульманд неожиданно предложил мне отправиться вместе с ним.

Так я стала его ученицей.

Обучение оказалось гораздо труднее, чем я представляла. Мне приходилось запоминать сотни названий растений, различать почти одинаковые листья и корни, знать время сбора каждой травы и понимать, какая её часть обладает целебными свойствами. Некоторые растения могли спасти человека, но при неправильной дозировке превращались в смертель-

ный яд. Господин Зульманд не прощал невнимательности. Он заставлял меня переписывать рецепты, пока я не запоминала их наизусть, брал с собой в леса и болота, учил определять болезни по дыханию, температуре, цвету кожи и едва заметным изменениям в поведении больного.

Постепенно я научилась накладывать повязки, вправлять вывихи, останавливать кровотечения и готовить отвары, мази и настойки. Мы посещали богатые поместья и бедные деревни, помогали знатым дамам, ремесленникам, крестьянам и беспризорным детям. Болезнь не обращала внимания на титулы, происхождение и количество монет в кошельке. Перед ней все люди становились одинаково беспомощными, и потому Зульманд никогда не отказывал тому, кто действительно нуждался в помощи.

Чем больше я училась, тем сильнее меня увлекала медицина. Я проводила долгие часы над старыми трактатами, сравнивала рецепты разных народов, меняла пропорции настоек и наблюдала за результатами. Иногда мои опыты заканчивались лишь испорченными травами и въевшимся в одежду горьким запахом. Но случались и настоящие открытия. Мне удалось создать жаропонижающий отвар, который действовал мягче известных средств, а позднее — мазь, ускорявшую заживление глубоких ран. Каждая спасённая жизнь давала мне ощущение, какого я не испытывала прежде. Теперь мои знания могли не просто обеспечить мне достаток или свободу — они помогали людям.

В последний год третьей жизни я открыла собственную лекарскую лавку. Она была небольшой: всего две комнаты на первом этаже старого дома, деревянная вывеска над входом и узкое окно, за которым я расставляла цветные флаконы. Внутри от пола до потолка тянулись полки с банками, мешочками сушёных трав и склянками. Под потолком висели связки мяты, зверобоя, полыни и лаванды, поэтому в помещении всегда стоял густой, немного горьковатый аромат.

Сначала посетителей было мало. Люди с недоверием относились к молодой лекарке, появившейся неизвестно откуда. Но постепенно молва о моих снадобьях распространилась по городу. Ко мне начали приходить матери с больными детьми, старики с ломотой в суставах, ремесленники с ожогами и путешественники, которым требовалось собрать дорожную аптечку. Я принимала пациентов, готовила лекарства и продолжала исследования, надеясь однажды написать собственный труд о целебных растениях.

Так я связала свою третью жизнь с медициной. Она была наполнена знаниями, открытиями и тихой радостью от осознания, что благодаря мне кому-то становилось легче. И всё же, сколько бы болезней я ни научилась лечить, отведённый мне срок изменить не удалось.

Я снова умерла в двадцать один год.

В четвёртой жизни я решила больше не убегать и не надеяться, что судьба обойдёт меня стороной. Трижды я начинала всё заново, трижды выбирала разные дороги — и вся-

кий раз погибала в одном и том же возрасте. Значит, мне требовалось не прятаться от смерти, а научиться смотреть ей в лицо.

Поэтому я остригла волосы, спрятала фигуру под плотной одеждой и назвалась мужским именем. Под видом юноши из обедневшей семьи я поступила на военную службу. Мне казалось, что оружие подарит мне защиту, которой так не хватало в прошлых жизнях. Если я научусь владеть мечом, стрелять из лука и сражаться, то сумею постоять за себя, когда судьба вновь придёт за мной.

Первые месяцы едва меня не сломали. Тело не было привычно к тяжёлым тренировкам: ладони покрывались мозолями, мышцы горели от усталости, а после учебных поединков я возвращалась в казарму в синяках. Мне приходилось постоянно следить за голосом, жестами и каждым движением, чтобы никто не догадался, кто я на самом деле. Я старалась держаться в стороне от остальных, переодевалась только в одиночестве и спала чутко, просыпаясь от любого шороха.

Но со временем страх отступил. Я научилась уверенно держаться в седле, обращаться с коротким мечом и копьём, метко стрелять и сохранять хладнокровие даже тогда, когда всё шло не по плану. Военное дело требовало не только силы. Нужно было понимать местность, замечать опасность, действовать вместе с товарищами и принимать решения за считанные мгновения. Впервые за четыре жизни я почувствовала себя по-настоящему способной защитить собственное буду-

щее.

Однако именно тогда я наконец узнала правду, которая связала воедино все мои прежние смерти.

На нашу империю напал правитель соседнего государства Каймарк — император Лианор Вальдек. Услышав его имя, я вспомнила события прошлых жизней. В первый раз его наступление настигло земли, где я обрела новый дом. Во второй — его армия появилась на торговых путях, по которым двигался наш караван. В третьей жизни война добралась до города, где находилась моя лекарская лавка. Я погибала в разных местах и при разных обстоятельствах, поэтому прежде не замечала связи. Но причиной каждый раз становился один и тот же человек.

Лианор Вальдек неизменно начинал завоевание соседних земель примерно через три года после моего возвращения в прошлое. Государства одно за другим теряли независимость, города пустели, дороги становились опасными, а люди бросали дома в поисках спасения. Куда бы я ни отправилась и какую бы судьбу ни выбрала, рано или поздно волна его завоеваний настигала и меня.

В четвёртой жизни мне поручили защищать границы владений храма святой девы Лиары. Этот древний храм стоял среди белых скал и служил убежищем для жителей окрестных поселений. За его стенами прятались семьи, старики и дети, надеявшиеся, что священное место сумеет их защитить. Отступить означало оставить их без помощи, поэтому

мы остались.

Именно там я впервые увидела Лианора Вальдека своими глазами.

Он оказался не чудовищем из страшных сказок, а человеком — пугающе спокойным, уверенным и холодным. Среди всеобщего хаоса он держался так, словно заранее знал исход каждого события. Его взгляд не выражал ни ярости, ни сомнений. Для него захваченные земли и сломанные судьбы были лишь ступенями на пути к очередной цели.

Наша встреча продлилась всего несколько мгновений. Я не успела ни спросить, зачем ему понадобилось подчинять себе столько государств, ни рассказать, что уже трижды погибала из-за его решений. В тот день, у стен храма святой девы Лиары, Лианор Вальдек собственноручно оборвал мою четвёртую жизнь.

Мне снова был двадцать один год.

В каждой из своих жизней я находила новый смысл. Я узнала, что такое забота и доверие, почувствовала свободу бесконечной дороги, научилась спасать людей и обрела силу, которой прежде во мне не было. Я никогда не считала прожитые годы напрасными. Каждая жизнь дарила мне встречи, знания и радости, которые оставались со мной даже после смерти.

Вот только все они заканчивались одинаково.

Теперь я проживаю свою пятую жизнь.

На этот раз я не собираюсь искать приключения, совер-

шать великие открытия или доказывать кому-либо свою храбрость. Я не хочу становиться ни торговкой, ни лекаркой, ни воином. У меня осталось лишь одно, на первый взгляд скромное желание: провести эту жизнь спокойно и беззаботно, вдали от чужих амбиций и опасностей.

А главное — впервые дожить до двадцати двух лет.

Глава 2

Пока принц Нортал с напыщенным видом продолжал вещать о моём нравственном падении, я рассеянно разглядывала тонкие золотые узоры на мраморном полу. Обвинения звучали одно нелепее другого. По словам Его Высочества, некий доброжелатель сообщил ему о моём недостойном поведении, тайных встречах и поступках, порочащих не только моё имя, но и честь всей семьи Эльдриган.

Кто именно оказался столь заботливым и какие доказательства предоставил, принц, разумеется, не уточнял. Впрочем, его это и не интересовало. Решение было принято заранее, а нынешнее представление понадобилось лишь для того, чтобы выставить меня злодейкой перед всем высшим светом и выйти из этой истории оскорблённой, но благородной жертвой.

Поставив руки за спиной и высоко подняв подбородок, Нортал расхаживал перед собравшимися аристократами, наслаждаясь всеобщим вниманием. Его голос звучал торжественно и громко, разлетаясь под расписанным сводом балльного зала. Каждую фразу он сопровождал выразительной паузой, словно выступал на театральной сцене и ожидал восхищённых аплодисментов.

Придворные внимали ему с благоговейным ужасом. Одни старательно изображали потрясение, другие прикрывали ве-

ерами довольные улыбки, а третьи то и дело бросали на меня любопытные взгляды, надеясь увидеть слёзы, раскаяние или хотя бы унижение. К завтрашнему утру моя разрушенная помолвка станет главным развлечением столицы, обратит новыми подробностями и десятком совершенно невероятных слухов.

Меня это нисколько не волновало.

Я слышала эту речь уже в пятый раз. Принц объявлял меня падшей женщиной, торжественно разрывал помолвку и освобождал себя от каких-либо обязательств.

Нортал как раз дошёл до особенно вдохновенной части своей речи. Передо мной стоял смазливый голубоглазый блондин в ослепительно-белом парадном костюме. Воротник и широкие обшлага украшала золотая вышивка, на груди поблёскивал фамильный герб, а с плеча ниспадала светло-голубая перевязь. Свет от хрустальных люстр играл в тщательно уложенных волосах, превращая принца в прекрасного героя с обложки дешёвого любовного романа.

Слишком безупречный. Слишком сладкий. До зубового скрежета.

Когда-то одного его взгляда хватало, чтобы моё сердце начинало биться быстрее. Теперь же я видела перед собой лишь самовлюблённого мальчишку, упивавшегося собственной значимостью. Иначе воспринимать его у меня не получалось. Пусть телом я была его ровесницей, разумом — старше на двенадцать лет. За плечами у меня находилось столько

пережитого, что вся эта дворцовая драма казалась детским спектаклем.

Нортал снова набрал воздуха, явно собираясь произнести очередную длинную тираду, но моё терпение подошло к концу.

— Уважаемый принц Нортал— перебила я его.

Его Высочество осёкся на полуслове.

По залу пронёсся единый изумлённый вздох. Кажется, перебивать наследного принца здесь считалось преступлением едва ли не более серьёзным, чем все приписываемые мне злодеяния. Где-то справа возмущённо зашелестел веер, а пожилой герцог у ближайшей колонны застыл с приоткрытым ртом.

Я одарила бывшего жениха спокойной улыбкой.

— Я осознала всю чудовищность своих злодеяний — произнесла я, не позволив ему опомниться— Ваши слова глубоко тронули меня. Поскольку наша помолвка официально расторгнута и больше нас ничто не связывает, я, пожалуй, пойду.

— Что?.. — только и сумел выговорить Нортал.

Он явно ожидал слёз, мольбы о прощении или хотя бы попытки оправдаться. Для продолжения заготовленной сцены ему требовалась моя покорная роль, а я внезапно отказалась её исполнять.

Не дожидаясь разрешения, я присела в безукоризненном реверансе, развернулась и направилась к выходу. Каблуки

звонко стучали по мраморному полу, и каждый шаг отдавался под высоким потолком почти оглушительным эхом. Никто не попытался меня остановить. Придворные молча расступались, провожая меня ошеломлёнными взглядами.

Оцепенение, охватившее бальный зал, было таким глубоким, что я слышала шорох собственного платья.

Тяжёлые позолоченные двери остались за спиной, приглушив возмущённый голос наконец опомнившегося принца. Я ускорила шаг, почти не замечая вытянувшихся в струнку лакеев и изумлённых стражников. Теперь, когда этот надоевший спектакль закончился, можно было сосредоточиться на действительно важном.

В голове уже складывался новый план.

Мысль пришла внезапно, но чем дольше я её обдумывала, тем разумнее она казалась. Что, если вместо того, чтобы в очередной раз прятаться от императора Лианора, я попробую приблизиться к нему? Если узнаю, почему он каждый раз начинает войну, то, возможно, сумею повлиять на события и предотвратить кровопролитие. Или хотя бы заранее обеспечить себе место, где меня не настигнут последствия его решений.

Правда, попасть в Каймарк было непросто. Империя ревностно охраняла свои границы, а к императорскому двору допускали только тех, чья личность и прошлое были тщательно проверены. Даже знатное происхождение не гарантировало мне приглашения. Напротив, дочь опозоренной се-

мый из соседнего государства могла вызвать лишь подозрения.

Однако существовал один путь.

Я могла стать дворцовым лекарем.

Знаний, накопленных в одной из прошлых жизней, для этого было более чем достаточно. Я умела распознавать редкие болезни, готовить лекарства, останавливать кровотечения и проводить операции, на которые решался далеко не каждый опытный целитель. Проблема заключалась в том, что Валирия Эльдриган никогда не обучалась медицине. Все знали меня как избалованную аристократку и бывшую невесту принца, а не как лекаря, способного спорить с профессорами королевской академии.

Стоило мне продемонстрировать свои умения, как неизбежно возникли бы вопросы.

Где я училась? Кто был моим наставником? Каким образом восемнадцатилетняя девушка, всю жизнь проведшая в родительском поместье и при королевском дворе, получила знания, на приобретение которых другим требовались десятилетия?

Рассказать правду я, разумеется, не могла. Признание в том, что я проживаю пятую жизнь, скорее приведёт меня не в императорский дворец, а в храм на обряд изгнания злых духов.

Я замедлила шаг и задумчиво коснулась пальцами подбородка.

Значит, прежде чем отправляться в Каймарк, мне требовалось создать себе убедительное прошлое, официально подтвердить квалификацию и придумать объяснение своим познаниям. Кроме того, следовало как можно больше узнать о самом императоре Лианоре: о его привычках, приближённых, болезнях и причинах, заставлявших его раз за разом погружать континент в хаос.

План был рискованным, почти безумным и наверняка смертельно опасным.

Но все осторожные планы в итоге уже привели меня к смерти.

Возможно, настало время попробовать безумный.

За этими размышлениями я не заметила, как свернула за угол, и на полном ходу врезалась во что-то неожиданно твёрдое. Точнее, в кого-то.

От столкновения меня отбросило назад. Каблуком опасно скользнул по гладкому камню, перед глазами на мгновение качнулись стены, однако упасть мне не позволили. Сильные руки молниеносно обхватили меня за талию и удержали на месте так легко, словно я ничего не весила.

Я же, повинаясь инстинкту, вцепилась в плечи незнакомца. Под ладонями ощущались плотная ткань дорогого сюртука и скрытые под ней крепкие мышцы. От мужчины исходил едва уловимый запах холодного ветра, кожи и горьковатых древесных благовоний.

— Простите, я не смотрела... — начала я и вскинула го-

лову.

Оставшиеся слова замерли на губах.

Кожа с лёгким налётом загара, волевой подбородок, высокие скулы и прямой нос. Чёрные, словно смоль, волосы были небрежно зачёсаны назад, но несколько прядей упало на высокий лоб. Густые тёмные брови подчёркивали тяжёлый, пронизывающий взгляд. Радужки его глаз были серого цвета, но взгляд острый как лезвие меча.

На мужчине не было ни короны, ни парадной мантии, ни других бросающихся в глаза символов власти. Только тёмный сюртук без лишних украшений, безупречно белая рубашка и серебряная застёжка у высокого воротника. И всё же принять его за обычного аристократа было невозможно. В каждом движении, в повороте головы, даже в холодном спокойствии, с которым он рассматривал меня, ощущалась привычка повелевать. Такие люди не просили уступить им дорогу — весь мир сам расступался перед ними.

Вылитый властелин мёртвых земель.

По коже пробежали мурашки.

Когда-то от его красоты у меня наверняка перехватило бы дыхание, а колени предательски ослабели бы. Лианор Вальдек был именно таким мужчиной, о котором придворные дамы говорили шёпотом, краснея и пряча улыбки за веерами. Опасным, неприступным и притягательным.

Но теперь я не могла видеть в нём лишь красивое лицо.

Оно было знакомо мне слишком хорошо. Я видела его на

газетных гравюрах и официальных портретах, слышала описания от беженцев, переживших его вторжения. А однажды встретилась с ним лицом к лицу у стен храма святой девы Лиары. Его глаза было последним, что я увидела перед смертью в своей четвёртой жизни.

Лианор Вальдек.

Человек, который раз за разом становился причиной моей гибели.

На краткое мгновение мне показалось, что я снова стою у белых храмовых стен. В ушах раздался отдалённый звон оружия, в нос ударил запах дыма, а тело пронзила призрачная боль. Я почти почувствовала, как жизнь покидает меня под его холодным, равнодушным взглядом.

Пришлось напомнить себе, что сейчас всё иначе.

Я была жива. До начала завоеваний оставалось ещё время. А стоявший передо мной мужчина пока не имел ни малейшего представления о том, кто я такая.

— Император Лианор Вальдек — удивлённо прошептала я.

И тут же мысленно выругалась.

Он был одет неброско и, судя по отсутствию свиты, не желал привлекать к себе внимание. Обычная девушка вряд ли сумела бы так быстро распознать в нём правителя соседней империи. Мне следовало промолчать, изобразить смущение и как можно скорее уйти, но имя сорвалось с языка прежде, чем я успела остановиться.

Я попыталась отодвинуться, однако сделать это оказалось не так просто. Его рука всё ещё лежала на моей талии, удерживая слишком крепко для человека, который всего лишь помог случайной прохожей не упасть.

Лианор не произнёс ни слова. Он пристально изучал моё лицо, словно пытался отыскать в нём что-то знакомое. Его взгляд медленно скользнул по моим глазам, задержался на губах, а затем снова поднялся выше. От этого молчаливого внимания мне стало не по себе.

Неужели он тоже мог помнить?

Нет. Это невозможно.

Я перерождалась одна. По крайней мере, за четыре жизни мне не встретился никто, кто хотя бы намёком дал понять, что пережил нечто подобное.

Расправив плечи, я заставила себя выдержать его взгляд.

— Вы можете меня уже отпустить — отчётливо произнесла я — Я не трепетная барышня. На ногах устою.

В чёрных глазах мелькнуло что-то неопределённое — то ли удивление, то ли сдержанное веселье. Уголок его рта едва заметно дрогнул, но выражение лица почти сразу вновь стало непроницаемым.

— Не сомневаюсь — низким голосом ответил он.

Его ладонь медленно разжалась. Лианор выпустил мою талию из сильного захвата, однако отступить не стал. Между нами осталось так мало места, что мне пришлось сделать шаг назад самой.

Я поспешно одёрнула платье, хотя на нём не появилось ни единой складки, и убрала руку с его плеч. Только теперь я заметила, насколько непозволительно долго продолжала за них держаться.

— Вы меня знаете? — спросил мужчина.

Голос у него был глубоким, спокойным и властным. Он говорил негромко, но в его интонации слышалась привычка получать немедленные и правдивые ответы.

Вопрос прозвучал просто, однако я почувствовала скрытую настороженность. Лианор не спрашивал из праздного любопытства. Он хотел понять, откуда мне известно его лицо, почему я назвала его титул и представляю ли я угрозу.

Следовало отвечать осторожно.

Я отступила ещё на полшага, подобрала юбку и выполнила безупречный реверанс, которому меня обучили ещё в детстве.

— Позвольте представиться. Валирия Эльдриган, дочь первого советника.

При упоминании имени отца взгляд Лианора стал внимательнее. Разумеется, он знал, кто такой первый советник. Человек, планировавший завоевание соседней страны, не мог не изучить наиболее влиятельных приближённых её правителя.

— Дочь первого советника — медленно повторил он, будто проверяя, насколько эти слова соответствуют стоявшей перед ним девушке.

— Именно так, Ваше Императорское Величество.

— И всё же вы узнали меня слишком быстро.

— О вас невозможно не знать— спокойно ответила я, подняв голову— В газетах часто появляются статьи о Каймарке. Иногда их сопровождают весьма качественные гравюры.

Это объяснение звучало правдоподобно. Во всяком случае, я на это надеялась.

— Значит, дело в газетах? — уточнил Лианор.

— Разумеется.

Он продолжал смотреть мне в глаза, и с каждой секундой сохранять невозмутимость становилось всё труднее. Мне казалось, будто император замечает каждый удар моего сердца, каждую промелькнувшую мысль и каждую ложь, которую я ещё не успела произнести.

Затем его взгляд на мгновение опустился к моим рукам.

Только тогда я поняла, что пальцы у меня слегка дрожат.

Я тут же сжала их в кулаки и спрятала в складках юбки.

— Странно — негромко произнёс Лианор.

— Что именно?

Он чуть склонил голову, не сводя с меня тяжёлого взгляда.

— Вы смотрите на меня так, словно мы уже встречались.

Сердце пропустило удар.

Воспоминание о белых стенах храма вновь вспыхнуло перед глазами, но на этот раз я успела взять себя в руки.

— Если бы мы встречались, Ваше Императорское Величество, я бы непременно это запомнила.

Я не солгала.

Забыть собственную смерть было невозможно.

— Но вы ошиблись — произнёс Лианор Вальдек, и уголки его губ тронула едва заметная усмешка — Я пока ещё принц. Мир вокруг словно на мгновение застыл.

Я смотрела в его серые глаза и чувствовала, как кровь медленно отливает от лица. Всего одна короткая фраза — и в моей голове оглушительно захлопнулась ловушка, в которую я сама же по собственной глупости умудрилась угодить.

Пока ещё принц.

Ну конечно.

Как я могла забыть? Воспоминания из нескольких прожитых жизней перемешались настолько сильно, что порой мне требовалось время, чтобы понять, в каком именно году я находилась. В моём сознании Лианор Вальдек давно и прочно оставался императором Каймарка: безжалостным правителем, непревзойдённым полководцем и человеком, по чьей воле континент неизменно погружался в кровопролитный хаос.

Однако сейчас до его восшествия на престол оставалось ещё два года.

Его родители были живы. Император Каймарка всё ещё правил государством, а стоявший передо мной молодой человек носил лишь титул наследного принца. Через два года императорская чета погибнет от рук недругов. Лианор займёт трон и начнёт мстить за смерть отца и матери. Именно

эта месть станет первым камнем в лавине событий, которые впоследствии приведут к войне.

И я только что назвала наследника императором.

Прекрасно, Валирия. Просто великолепно.

Такое обращение можно было истолковать не только как оговорку, но и как пожелание скорейшей смерти нынешнему правителю. При особенно богатом воображении меня могли обвинить в знании готовящегося заговора, а то и в причастности к нему. В Каймарке подобные слова наверняка сочли бы оскорблением императорской семьи или даже государственной изменой.

План приблизиться к будущему императору грозил закончиться, толком не начавшись. Ещё немного — и вместо места дворцового лекаря я получу уютную камеру в подземелье и обстоятельную беседу с имперскими дознавателями.

— Прошу простить меня, Ваше Высочество— поспешно произнесла я— У меня только что сорвалась помолвка, и я, кажется, совсем не ведаю, что говорю.

Я присела в таком глубоком реверансе, что едва не коснулась коленом пола. Широкая юбка мягко разошлась вокруг ног, скрывая предательски задрожавшие пальцы. Я склонила голову и уставилась на блестящий мрамор, изо всех сил стараясь не выдать охватившего меня волнения.

Главное — не торопиться. Не оправдываться слишком усердно. Чем больше слов я произнесу, тем подозрительнее будет выглядеть обычная оговорка.

По крайней мере, сейчас у меня имелось вполне правдоподобное объяснение. Только что меня публично опозорили, обвинили в распутстве и разорвали помолвку на глазах у половины столичной знати. От девушки в моём положении никто не ожидал ясности мыслей и безупречной рассудительности. Если понадобится, я смогу сослаться на потрясение, расстроенные нервы или внезапное головокружение.

Возможно, даже упасть в обморок.

Хотя последнее следовало прибегнуть на крайний случай. Я никогда не умела падать достаточно изящно и наверняка разбила бы себе нос о мрамор.

Несколько мучительно долгих мгновений Лианор молчал.

Я ощущала на себе его пристальный взгляд и почти физически чувствовала, как он разбирает мои слова на части, выискивая в них скрытый смысл. Этот человек уже сейчас был опасен, несмотря на молодость и отсутствие императорской короны. Будущий правитель Каймарка не верил случайностям и не принимал простых объяснений, если за ними могла скрываться тайна.

Наконец он негромко произнёс:

— Необычный способ переживать разрыв помолвки.

В его голосе по-прежнему слышалась насмешка, но прямого обвинения не последовало.

Значит, тревогу бить было рано.

— У каждого свои недостатки, Ваше Высочество — осторожно ответила я.

Я медленно поднялась и расправила плечи, возвращая лицу подобие спокойствия. Получилось не слишком убедительно. Губы сами собой сложились в нервную улыбку, а сердце продолжало колотиться так громко, что его, наверное, было слышно в соседнем коридоре.

Лианор наблюдал за мной с непроницаемым выражением лица. Его взгляд задержался на моих руках, будто он успел заметить, как я прятала дрожащие пальцы в складках платья. Затем принц снова посмотрел мне в глаза.

Нужно было срочно перевести разговор на другую тему. Желательно на такую, которая не касалась бы убийства его родителей, будущего восшествия на престол и моих необъяснимых знаний о грядущих событиях.

Я уже открыла рот, но в этот момент за спиной раздался нарастающий гул голосов. По коридору прокатился торопливый топот множества ног, сопровождаемый возмущёнными возгласами, шелестом платьев и прерывистым мужским пыхтением.

Мы с Лианором одновременно повернули головы.

Не прошло и минуты, как из-за того самого поворота, откуда совсем недавно выбежала я, буквально выскочил принц Нортал. Светлые волосы, ещё недавно лежавшие волосок к волоску, теперь слегка растрепались, а лицо покраснело от гнева и быстрой ходьбы. Полы его белоснежного парадного камзола развевались, золотая перевязь съехала набок, но даже в таком виде он старался сохранять величественный вид.

Выходило плохо.

Рядом с ним остановился его личный советник. Тучный мужчина тяжело дышал, прижимая пухлую ладонь к груди, и промокал большим кружевным платком блестящее от пота лицо. Его два подбородка дрожали при каждом судорожном вдохе, а маленькие глазки-бусинки лихорадочно блестели. Судя по его измученному виду, стремительная погоня по дворцовым коридорам стала самым серьёзным физическим испытанием за последние десять лет его жизни.

За спинами Нортала и советника уже собирались гости бала. Дамы в пышных платьях вытягивали шеи, стараясь ничего не упустить, кавалеры перешёптывались, а самые любопытные придворные бесцеремонно протискивались вперёд. Многие из них всего несколько минут назад провожали меня потрясёнными взглядами, но теперь поспешили следом, предчувствуя продолжение скандала.

Разумеется.

Разрыв королевской помолвки был событием интересным, но отвергнутая невеста, обнаруженная в уединённом коридоре рядом с наследным принцем соседнего государства, обещала куда больше пищи для слухов.

Завтра столичные сплетники наверняка объявят, что я годами состояла в тайной связи с Лианором Вальдеком. К обеду выяснится, что мы собирались бежать в Каймарк, а к вечеру кто-нибудь обязательно сообщит о моей беременности.

Я едва удержалась от тяжёлого вздоха.

Нортал остановился в нескольких шагах от нас. Его взгляд сначала упал на меня, потом переместился на Лианора, а затем снова вернулся ко мне. В голубых глазах принца вспыхнуло такое возмущение, словно он застал меня не за обычным разговором, а по меньшей мере во время тайного венчания.

— Валирия, я понимаю твоё горе— начал он, глядя на меня с плохо скрываемым презрением.

Он старательно придал голосу снисходительную мягкость, но за ней слишком явно чувствовалось раздражение. Нортал снова играл на публику. Даже сейчас он думал не о случившемся, а о том, какое впечатление произведёт на собравшихся.

— Благодарю за сочувствие— сухо ответила я.

Принц пропустил мои слова мимо ушей.

— Но это не повод бросаться в объятия другого мужчины сразу после разрыва помолвки— продолжил он громче, чтобы его наверняка услышали даже стоявшие в конце коридора придворные— Хотя твоё поведение в очередной раз доказывает, что ты недостойна стать моей женой.

По толпе прокатился приглушённый ропот.

Я медленно перевела взгляд на Лианора. Он стоял от меня на почтительном расстоянии, не прикасался ко мне и вообще не сделал ни одного движения, которое можно было бы принять за объятия. На лице наследного принца Каймарка сохранялось ледяное спокойствие, однако в глубине его глаз

мелькнуло что-то опасное.

Интересно, Нортал понимал, кого только что назвал «другим мужчиной» таким тоном?

Судя по его виду — нет.

Его высокомерие поражало даже меня, хотя за несколько жизней я успела хорошо изучить и безграничное самолюбие принца, и его удивительную способность видеть вокруг лишь подтверждения собственной исключительности. Он публично отверг меня, растоптал мою репутацию и освободил от помолвки, но по какой-то причине всё ещё считал, что имеет право решать, с кем мне разговаривать.

Более того, Нортал, похоже, искренне верил, что после разрыва я должна была запереться в своей спальне, заливаясь слезами и до конца дней оплакивать утраченную возможность стать его женой.

Я посмотрела на него и почувствовала, как недавний страх уступает место раздражению.

— При всём уважении к вашему отцу, принц Нортал, но вы не предел моих мечтаний.

В коридоре воцарилась звенящая тишина.

Кто-то из дам громко ахнул. Советник Нортала перестал обмахиваться платком и уставился на меня так, словно я только что собственноручно подожгла королевский дворец. Один из молодых аристократов за спиной принца поспешно прикрыл рот ладонью, скрывая то ли потрясение, то ли невольную улыбку.

Нортал замер.

На его лице последовательно отразились недоверие, растерянность и ярость. Скулы напряглись, ноздри раздулись, а зубы стиснулись так сильно, что я отчётливо услышала скрежет.

Что, мальчишка, не ожидал?

Он привык, что я ловила каждое его слово, терпеливо сносила холодность и пыталась заслужить хотя бы каплю расположения. Для прежней Валирии потеря этой помолвки действительно стала бы концом света. Но той наивной девушки больше не существовало. Она умерла вместе со мной в одной из прошлых жизней.

Нынешняя я собиралась жить.

И уж точно не собиралась тратить драгоценное время на человека, чья любовь к самому себе оставляла слишком мало места для кого-либо ещё.

— Ты... — выдавил Нортал, побагровев — Ты понимаешь, с кем разговариваешь?

— Разумеется — невозмутимо ответила я — С бывшим женихом.

За моей спиной послышался негромкий смешок.

Я не сразу поняла, кому он принадлежал. Затем осторожно покосилась на Лианора и заметила в его глазах откровенное веселье. Будущий император смотрел на меня уже не с подозрением, а с неподдельным интересом.

И почему-то это тревожило гораздо сильнее. Но будер ре-

шать все проблемы по мере поступления. Снова взглянув на бывшего жениха мнк вдруг стало так за себя грустно.

Мне объявили о помолвке с принцем, когда мне исполнилось десять лет.

С того дня вся моя жизнь оказалась подчинена единственной цели — стать безупречной супругой наследника престола. Восемь долгих лет я изучала придворный этикет, танцы, историю королевства, музыку и иностранные языки. Меня учили правильно улыбаться, поддерживать беседу и молчать, когда моё мнение никого не интересовало. Я часами ходила по залу с книгами на голове, пока спина не начинала ныть, а ноги — дрожать от усталости. Я знала, под каким углом следует склонить голову перед членом королевской семьи и насколько глубоким должен быть реверанс перед каждым из представителей знати.

Я была кроткой, терпеливой и послушной.

Верно заглядывала Норталу в глаза, ловила каждое его слово и боялась лишний раз вздохнуть в его присутствии. Стоило принцу нахмуриться, как я начинала лихорадочно вспоминать, чем могла вызвать его недовольство. Если он хвалил другую девушку, я удваивала старания. Если не замечал меня на балу, убеждала себя, что недостаточно хорошо подготовилась к встрече. Я ни разу не позволила себе возразить ему, даже когда он был очевидно неправ.

Прежняя Валирия отдала ему восемь лет своей жизни.

А теперь я стояла перед ним и совершенно спокойно за-

являла, что Его Высочество не является пределом моих мечтаний.

Ничего страшного. Может быть, мои слова хотя бы немного собьют незримую корону с головы нашего драгоценного принца. Настоящая, видимо, давила недостаточно сильно.

— Ты пожалеешь об этом — процедил Нортал.

Его лицо пошло красными пятнами. Пальцы сжались в кулаки, и на мгновение мне показалось, что он способен забыть о придворных манерах и наброситься на меня прямо здесь. Впрочем, присутствие многочисленных свидетелей удерживало его куда надёжнее любых доводов рассудка.

Я лишь слегка склонила голову, изобразив вежливое внимание.

— Возможно— согласилась я— Но пока что я жалею только о времени, потраченном на нашу помолвку.

По толпе прокатилась новая волна шёпота. Несколько дам торопливо раскрыли веера, пряча за ними лица. Кое-кто из мужчин отвернулся, старательно делая вид, будто его необычайно заинтересовали узоры на стенах.

Нортал побледнел, а затем побагровел ещё сильнее.

— Как ты смеешь? — выдохнул он— Тебе следовало бы благодарить меня за то, что я столько лет терпел рядом с собой женщину с подобными наклонностями!

Последние крупницы моего терпения рассыпались в прах.

Он не просто унизил меня перед всем двором. Ему оказалось недостаточно разорвать помолвку и объявить меня

недостойной. Этот мальчишка побежал за мной следом, чтобы продолжить бросать обвинения уже в коридоре, перед гостями и иностранным принцем.

Кровь закипела от злости.

— Что ж— медленно произнесла я, чувствуя, как губы растягиваются в недоброй улыбке— Чтобы не разочаровать вас в ваших суждениях о моём распутстве, я проведу небольшую демонстрацию.

Самодовольное выражение на лице Нортала дрогнуло.

— Что ты...

Я не позволила ему договорить.

Недолго думая, я резко развернулась к принцу Лианору. Он всё это время стоял в нескольких шагах от меня, с внешним спокойствием наблюдая за нашей перепалкой.

Кажется, он ожидал чего угодно, но только не того, что произошло в следующую секунду.

Я шагнула к нему, схватила за чёрный воротник камзола и резко потянула на себя.

Лианор оказался значительно выше, поэтому мне пришлось привстать на носки. Ткань под пальцами натянулась, металлическая застёжка больно впилась в ладонь, но останавливаться было уже поздно.

Наши губы встретились.

Вокруг стало так тихо, словно все присутствующие разом перестали дышать.

На одно короткое мгновение я почувствовала лишь про-

хладу его губ и слабый аромат горьких трав, исходивший от воротника. Тело Лианора окаменело. Он не оттолкнул меня, но и не ответил на поцелуй. Его руки остались опущенными, а пальцы едва заметно дрогнули, будто принц решал, схватить меня за плечи или немедленно позвать стражу.

Долго поцелуй не продлился.

Разум вернулся так же внезапно, как исчез. Я отстранилась от шокированного принца соседнего государства и выпустила его воротник. На чёрной ткани остались заметные складки, которые я машинально попыталась разгладить ладонью, но вовремя поняла, что этим лишь усугубляю положение, и поспешно убрала руку.

Вот теперь стоило признать: действовать настолько импульсивно не следовало.

Я только что без разрешения поцеловала наследного принца Каймарка. Того самого человека, который через два года станет императором Лианором Вальдеком. Того, чьё имя в прошлых жизнях заставляло содрогаться правителей, генералов и простых людей.

Сперва я назвала его императором раньше времени, едва не выставив себя предательницей. Теперь же вцепилась в его одежду и поцеловала на глазах у половины столичной знати.

Превосходно.

Если продолжу в том же духе, до конца вечера мне удастся совершить ещё несколько преступлений против короны и установить своеобразный рекорд.

Однако изменить случившееся я уже не могла.

Поэтому я выпрямила спину, расправила плечи и медленно повернулась к Норталу.

Принц смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Злость на его лице смешалась с таким глубоким потрясением, что на мгновение он утратил дар речи. Его рот несколько раз беззвучно открылся и закрылся. От прежнего высокомерия не осталось и следа.

Советник рядом с ним судорожно вцепился в платок обеими руками. Его два подбородка мелко подрагивали, а глаза-бусинки, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

Позади них застыли гости бала. Одна пожилая дама прижимала ладонь к груди. Юная графиня смотрела на меня с нескрываемым восхищением. Кто-то уронил бокал, и звон разбившегося стекла прозвучал в наступившей тишине оглушительно громко.

Завтра столица будет обсуждать не расторгнутую помолвку.

Завтра все станут обсуждать этот поцелуй.

Я встретила взглядом с Норталом. В его голубых глазах бушевала ярость.

— Прошу меня извинить— произнесла я с самым невинным выражением лица, на какое только была способна — Моё распутство совершенно не поддаётся контролю!

За моей спиной раздался тихий звук, подозрительно напоминавший сдавленный смешок.

Я медленно оглянулась.

Лианор всё ещё стоял на прежнем месте. Одна его бровь была приподнята, а серые глаза внимательно изучали моё лицо. От потрясения не осталось и следа. Теперь в его взгляде читалось опасное, почти хищное любопытство.

Он неторопливо поправил смятый воротник, провёл большим пальцем по нижней губе и едва заметно усмехнулся.

Не утруждая себя должными поклонами и реверансами, я просто развернулась и стремительно пошла прочь по коридору.

Тонкие каблуки звонко стучали по мраморному полу, юбки платья цеплялись за ноги, а корсет неприятно сдавливал грудь, мешая сделать полноценный вдох. Несколько придворных дам, попавшихся навстречу, поспешно прижались к стене, провожая меня ошеломлёнными взглядами. Кто-то попытался окликнуть, но я даже не обернулась.

Объясняться я не собиралась.

Тем более что сама пока не понимала, что именно натворила.

В конце коридора мелькнуло открытое пространство, и я резко свернула туда. За резными колоннами обнаружился небольшой балкон, окружённый невысоким каменным ограждением. Отсюда открывался вид на внутренний двор дворца: внизу темнели аккуратно подстриженные кусты, между фонтанами серебрились дорожки, а у парадного входа ожидали кареты гостей.

Я остановилась у перил и быстро оценила расстояние до земли.

Второй этаж.

Высота не слишком большая. Под балконом разбит газон, а чуть левее виднеется широкая клумба с густыми кустами роз. Если правильно сгруппироваться при падении, серьёзных повреждений быть не должно.

По крайней мере, в моём прежнем теле.

Я оглянулась через плечо. В коридоре никого не было. Лишь вдали виднелись две служанки, но они стояли ко мне спиной и увлечённо переговаривались, явно обсуждая последние события вечера.

Идеально.

Я быстро сняла туфли и сжала их в одной руке. Босые ступни тут же коснулись холодного камня, но времени на размышления не осталось. Подхватив юбки, я поставила ладонь на ограждение, перенесла вес тела вперёд и легко перемахнула через перила.

Порыв ветра взметнул края платья.

На короткое мгновение под ногами не оказалось ничего, кроме пустоты. Затем я развернула корпус, согнула колени и приземлилась на мягкий газон, перекатившись через плечо. Трава хрустнула под ладонями, подол платья испачкался. Я поднялась почти сразу и выпрямилась, стараясь не показать даже самой себе, насколько тяжело далось это приземление.

Всё-таки хорошо, что в одной из прошлых жизней я изу-

чала военное дело.

Тогда мне приходилось часами тренироваться: учиться падать, правильно распределять вес, преодолевать препятствия и сохранять равновесие на неровной поверхности. Подобные навыки казались бесполезными для знатной девушки, но теперь именно они не позволили мне сломать лодыжку или растянуть связки.

Правда, это тело оказалось слабее, чем я привыкла.

Лёгкая дрожь в ногах, сбившееся дыхание и неприятная тяжесть в мышцах ясно об этом свидетельствовали. Валирия Эльдриган всю жизнь занималась танцами, вышиванием и придворными поклонами, но не физическими упражнениями. Даже короткий прыжок заставил сердце биться так, словно я только что пробежала несколько вёрст.

Ничего.

Это легко исправить.

Нужны тренировки, правильное питание и немного терпения. Уже через несколько месяцев я смогу вернуть телу силу, а затем и превзойти прежние возможности. Главное — не позволять аристократическим привычкам превратить меня в беспомощную фарфоровую статуэтку.

На балконе за моей спиной остался человек, которого я не заметила.

Он стоял, опираясь ладонью на каменные перила, и задумчиво смотрел мне вслед. Тёмная фигура почти сливалась с вечерними тенями, а его неподвижный взгляд провожал

каждый мой шаг, пока я не скрылась за рядами кустов.

Я же ничего этого не видела.

Все мои мысли занимало одно-единственное обстоятельство: собственная импульсивность.

Нужно было вести себя осторожнее. Я прекрасно понимала, что встреча с Лианором станет важным событием, и заранее продумала, как приблизиться к нему. Собиралась представить себя лекарем, вызвать интерес своими знаниями, а затем добиться места при императорском дворе.

Спокойно. Постепенно. Без лишнего риска.

И что же я сделала вместо этого?

Врезалась в будущего императора, узнала его, позволила себе поцеловать и сбежала через балкон, словно безрассудная воровка.

Я стиснула туфли сильнее.

— Блестяще, Валирия— пробормотала себе под нос— Просто блестяще.

Лианор наверняка не забудет столь тёплый приём.

Для него этот поцелуй ничем не грозил. Мужчина его положения мог позволить себе гораздо больше. Если кто-нибудь и станет судачить об этом вечере, то в его адрес прозвучит лишь несколько снисходительных замечаний о неожиданной симпатии к дочери первого советника.

А вот моя репутация была растоптана на глазах у всех аристократов королевства.

Ещё бы.

На бал, устроенный в честь объявления официальной даты свадьбы, съехалась вся знать. Здесь присутствовали герцоги, графы, послы соседних держав, высшие чиновники и представители самых древних родов. Все они стали свидетелями моей разорванной помолвки, моего разговора с принцем Лионором, не потрудившись попрощаться ни с хозяевами вечера, ни с собственными родителями.

К утру каждый придворный салон будет полон пересказов.

Одни заявят, что я намеренно соблазнила принца Каймарка. Другие решат, будто принц Каймарк покровительствует мне и именно поэтому я осмелилась так дерзко вести себя на глазах у всех. Третьи добавят к этой истории тайную любовную связь, политический заговор и, возможно, ещё пару совершенно невероятных подробностей.

Впрочем, это уже не имело особого значения.

Я не собиралась задерживаться в этом месте. Ни после сегодняшнего скандала, ни после разрыва помолвки, ни после того, как все увидели меня рядом с Лианором. Чем раньше я уеду из столицы, тем быстрее начну воплощать новый план.

Стану лекарем.

Попаду в Каймарк.

Окажусь рядом с императором.

И выясню, что стало причиной смерти императора и императрицы.

Карета первого советника стояла у главной лестницы. Ку-

чер, заметив меня, выпрямился на козлах, а лакей поспешил открыть дверцу. Он бросил короткий взгляд на мои босые ноги, туфли в руке и испачканный подол, но благоразумно промолчал.

Я забралась внутрь и опустилась на сиденье.

Только когда дверца закрылась, а карета тронулась с места, я позволила себе откинуться на спинку и наконец выдохнуть.

За окном медленно отдалялся дворец. Его освещённые окна мерцали в ночи, музыка едва слышно доносилась сквозь стены, а на втором этаже тёмный балкон терялся среди колонн.

Я не знала, что Лианор всё ещё стоит там.

Не знала, что он продолжает смотреть мне вслед.

И уж тем более не догадывалась, что эта короткая встреча заинтересовала его куда сильнее, чем должна была.

Глава 3

Подъезжая к родительскому дому, я заметила у ворот знакомую карету с гербом Эльдриганов на дверце. В свете фонарей отчётливо поблёскивали серебряные нити, которыми был вышит семейный герб на тёмных занавесах.

Неужели родители успели приехать раньше меня?

Я подалась вперёд и внимательнее посмотрела в окно. Лошади ещё не успели остыть после быстрой езды: тяжело переступали с ноги на ногу, беспокойно потряхивали головами, а из расширенных ноздрей вырывались белые облачка пара. У дверей особняка сустились слуги. Один из лакеев поспешно заносил внутрь дорожный сундук, другой торопливо отдавал распоряжения конюху. В окнах первого этажа горел свет, хотя в столь поздний час дом обычно уже погрузился в тишину.

Значит, мне не показалось.

Я устало прикрыла глаза и потёрла пальцами висок. За один вечер мне удалось расторгнуть помолвку, публично задеть самолюбие наследного принца, поцеловать принца соседнего государства и покинуть бал босиком. Даже для меня это было многовато.

Впрочем, я ни о чём не жалела.

Почти ни о чём.

Воспоминание о губах Лианора заставило меня невольно

поморщиться. Нет, всё-таки поцелуй был лишним. Я собиралась лишь поставить Нортала на место, но позволила злости взять верх.

Вдруг ночную тишину прорезал гулкий стук копыт. Я распахнула глаза.

Звук быстро приближался. Судя по тяжёлому ритму, к дому скакал не один всадник. Через несколько мгновений слышался металлический звон доспехов и резкие команды.

Я отодвинула маленькую занавеску и открыла окно.

Холодный ночной воздух тут же ворвался внутрь, растрепав мои волосы. Я выглянула наружу и увидела приближавшийся отряд. Впереди на белом жеребце ехал принц Нортал. Его светлые волосы казались серебряными под лунным светом, а парадный камзол развевался за спиной. За ним следовало не меньше десятка королевских стражников.

Я медленно выдохнула, чувствуя, как внутри поднимается раздражение.

Да сколько можно?

Неужели он намерен преследовать меня всю ночь?

Сначала Нортал устроил сцену в бальном зале, затем побежал за мной по дворцовым коридорам, осыпая обвинениями, а теперь явился к дому моих родителей во главе вооружённого отряда. Такая настойчивость выглядела уже не романтичной и даже не оскорбительной, а откровенно унижительной — прежде всего для него самого.

Восемь лет я покорно следовала за ним, ловила каждый

взгляд, угадывала желания и боялась сказать лишнее слово. И стоило мне впервые уйти, как он внезапно обнаружил, что не способен позволить мне сделать даже несколько шагов без его разрешения.

Всего мгновение спустя всадники окружили мою карету со всех сторон. В окне мелькнули королевские цвета, послышалось нервное ржание лошадей. Кучер что-то испуганно спросил, но ему грубо приказали не двигаться.

Нортал осадил жеребца прямо перед каретой. В слабом свете уличных фонарей его лицо казалось бледным, а губы были плотно сжаты. От прежнего потрясения, вызванного моим неожиданным поцелуем с Лианором, не осталось и следа. Теперь в его голубых глазах горел холодный гнев.

Я собиралась открыть дверцу и потребовать объяснений, но голос Нортала опередил меня:

— Именем короны приказываю леди Валирии Эльдриган немедленно выйти из кареты! Она будет заключена под стражу и препровождена в темницу!

На несколько секунд мне показалось, что я ослышалась. В темницу?

Из всех возможных последствий сегодняшнего скандала этого я точно не ожидала. За что меня собирались арестовать? За расторжение помолвки? За оскорбление достоинства наследника? Или за то, что я поцеловала принца соседнего государства на глазах у половины придворных?

Даже если Нортал считал моё поведение возмутительным,

отправить дочь герцога в темницу без суда и официального обвинения он не мог. По крайней мере, не должен был.

Моё удивление быстро сменилось тревогой.

Неужели в этой жизни я не доживу даже до двадцати одного года?

После четырёх смертей я привыкла ожидать опасности, но всё же надеялась, что у меня осталось хотя бы три года. Я тщательно строила планы, планировала добраться до Каймарка и разгадать тайну повторяющейся войны. Мне и в голову не приходило, что моя пятая жизнь может закончиться в тюремной камере раньше, чем я успею покинуть родительский дом.

Снаружи раздался тяжёлый удар.

Дверца кареты резко распахнулась.

На пороге появился стражник. Он даже не попытался попросить меня выйти добровольно. Не сказав ни слова, мужчина шагнул внутрь, грубо схватил меня за локоть и рванул к себе. Боль пронзила руку.

— Отпустите— холодно потребовала я.

Он проигнорировал мои слова и потащил меня наружу.

Туфли всё ещё оставались у меня в руке. Подол платья зацепился за ступеньку, и я едва не упала лицом в дорожную пыль. Стражник рывком поставил меня на ноги, продолжая болезненно сжимать локоть.

— Я сказала, отпустите.

— Выполняйте приказ его высочества и не сопротивляй-

тес — процедил он.

— Приказ его высочества не даёт вам права ломать мне руку.

Его пальцы сжались ещё сильнее.

Я подняла голову и посмотрела на Нортала. Принц наблюдал за происходящим с высоты седла. В его глазах не было ни капли сомнения. Он словно ждал, что я наконец испугаюсь, опущу голову и снова стану той кроткой девочкой, которая восемь лет соглашалась со всем, что он говорил.

— Нортал — произнесла я, намеренно отбросив церемонное обращение — вы понимаете, что делаете?

— Более чем — ответил он — Ты публично унизила королевскую семью, нарушила данное слово и вступила в недопустимую близость с другим мужчиной. Твоё поведение требует разбирательства.

— Разбирательства? — переспросила я — Именно поэтому вы явились сюда ночью с вооружённой стражей?

— Ты отказалась слушать меня во дворце.

— Потому что мне надоело слушать беспочвенные обвинения.

По лицу Нортала пробежала тень.

— Поставьте её на колени.

Я не сразу осознала смысл приказа.

Стражник за моей спиной надавил на плечо, заставляя опуститься. Второй шагнул ближе и попытался ударить меня под колени.

Тело отреагировало раньше, чем разум.

Навыки, приобретённые в четвёртой жизни, никуда не исчезли. Я могла быть одета в неудобное бальное платье, могла стоять босыми ногами на холодной дороге, но всё ещё помнила, как освобождаться от захвата и использовать силу противника против него самого.

Я резко развернулась, перехватила руку державшего меня стражника и вывернула её наружу. Мужчина изумлённо вскрикнул. Не дав ему опомниться, я шагнула вперёд, поставила бедро и рванула его на себя.

Стражник потерял равновесие.

Его ноги оторвались от земли, и через мгновение он с тяжёлым грохотом рухнул на спину. Из груди мужчины вырвался сдавленный стон. Окружавшие карету солдаты застыли, не веря собственным глазам.

Я тоже замерла лишь на мгновение.

Затем заметила меч на поясе упавшего стражника.

Мои пальцы сами сомкнулись на рукояти. Я выхватила клинок из ножен и отступила на несколько шагов. Длинный подол мешал двигаться, поэтому я без сожаления резким движением лезвия разорвала ткань почти до колена. Освободив ноги, перехватила меч обеими руками и встала в знакомую стойку.

Клинок показался непривычно тяжёлым. Это было настоящее оружие, а не учебный меч, которым я пользовалась на тренировках. И всё же ладони помнили правильный хват, те-

ло — распределение веса, а взгляд автоматически отмечал положение каждого противника.

Вокруг стало пугающе тихо.

Стражники переводили ошеломлённые взгляды с лежавшего товарища на меня. Никто из них не ожидал, что воспитанная дочь герцога, ещё недавно считавшаяся будущей супругой наследника, сумеет перебросить взрослого вооружённого мужчину через бедро и завладеть его оружием.

Даже Нортал растерялся.

Он смотрел на меня так, словно видел впервые.

— Валирия... — медленно произнёс принц — Опустим меч.

— Прикажите своим людям отступить.

В ответ несколько клинков почти одновременно покинули ножны. Металл зазвенел в ночной тишине. Стражники окружили меня полукольцом, отрезая путь к карете и воротам особняка.

В окнах родительского дома уже двигались силуэты. Слуги заметили происходящее, а значит, вскоре сюда выйдут отец и матушка.

Прекрасно.

Для полного завершения этого вечера мне как раз не хватало вооружённого столкновения с королевской стражей на глазах у родителей.

— Ты угрожаешь наследнику престола — тихо проговорил Нортал.

— Нет. Я защищаюсь от людей, которые без объяснения причин выволокли меня из собственной кареты и попытались силой поставить на колени.

— Тебя обвиняют в измене короне.

На этот раз я действительно не смогла скрыть потрясения.

— В измене?

— Ты демонстративно разорвала помолвку, после чего на глазах у свидетелей вступила в близость с другим мужчиной. Этого достаточно, чтобы усомниться в твоей преданности.

— Я поцеловала его, а не передала ему государственные тайны.

— Ты намеренно это сделала, чтобы унижить меня.

— Наконец-то вы сказали правду— усмехнулась я— Всё это не имеет никакого отношения к безопасности государства. Вы просто не можете смириться с тем, что я предпочла вам другого мужчину.

Лицо Нортала исказилось.

Я прекрасно понимала, что лишь сильнее его разозлила, но останавливаться было поздно. Внутри кипела ярость. Восемь лет я боялась причинить ему малейшее неудобство, а теперь он послал стражу, чтобы швырнуть меня на колени только за то, что я посмела ему отказать.

— Вы сами обвинили меня в распутстве— продолжила я

— Я лишь решила не разочаровывать вас в ваших суждениях.

— Ты пожалеешь о своих словах.

— Возможно. Но ещё больше я пожалею, если снова позволю вам распоряжаться моей жизнью.

Нортал спешился и передал поводья одному из солдат. Медленно приблизившись, он остановился в нескольких шагах от острия моего меча.

— Ты не умеешь им пользоваться.

Я чуть изменила положение клинка.

— Хотите проверить?

В его голубых глазах мелькнуло сомнение. Теперь он заметил, что я держу оружие слишком уверенно для девушки, всю жизнь изучавшей только этикет, танцы и языки. Но отступить на глазах у стражи Нортал уже не мог.

— Последний раз приказываю: брось меч и добровольно следуй за нами — уже прикрикивая произнес принц

— А я в последний раз предупреждаю: ещё один человек попытается прикоснуться ко мне — и я перестану проявлять сдержанность.

Уверенность в моём голосе заставила ближайших солдат замедлиться. Я не собиралась никого убивать, но сообщать об этом противникам не следовало. Мне требовалось заставить их поверить, что я готова на всё.

— Это нападение на принца! — наконец выкрикнул он, брызгая слюной— Убить её немедленно!

Последние слова прозвучали особенно пронзительно. Голос сорвался на высокой ноте, отчего приказ получился не столько грозным, сколько истеричным. Однако окружавшие

Нортала стражники не осмелились усомниться в воле наследника. Обнажённые клинки блеснули в лунном свете, и солдаты начали медленно смыкать кольцо.

Разумеется, убивать королевских стражников я не собиралась. Не из человеколюбия — просто последствия были бы слишком хлопотными. Одно дело — случайно выхватить чужое оружие, защищаясь от нападения, и совсем другое — оставить после себя несколько окровавленных тел.

Проблема заключалась в том, что сами стражники явно не собирались проявлять подобное благоразумие.

Ближайший ко мне солдат перехватил меч обеими руками. По тому, как он перенёс вес на переднюю ногу, я поняла: атакует первым. Второй заходил справа, стараясь отрезать мне путь к отступлению. Ещё двое остались возле Нортала, прикрывая наследника, хотя единственным человеком, действительно угрожавшим его безопасности, сейчас был он сам.

Мне пришлось отступить на полшага и развернуться боком. Плотный корсет мешал гдышать, туфли остались где-то позади, а холодная брусчатка неприятно обжигала ступни. Не самые удобные условия для сражения, но выбирать не приходилось.

Стражник рванулся вперёд.

— Стоять!

Приказ прогремел над двором подобно раскату грома.

Ударить никто не успел.

Солдаты замерли так резко, словно натолкнулись на невидимую стену. Даже Нортал вздрогнул и невольно втянул голову в плечи.

Из темноты показался всадник.

Принц Лианор Вальдек приближался к нам на вороном жеребце. Ночь уже полностью вступила в свои права, и улица тонула в серебристом лунном свете. Тёмная шерсть коня казалась почти чёрной, но при каждом движении по его лоснящейся гладкой спине пробегали холодные отблески. Жеребец ступал легко и уверенно, высоко поднимая сильные ноги, а его длинная грива колыхалась в такт движениям.

Всадник держался в седле с такой непринуждённостью, будто родился верхом на коне. Его тёмный плащ ниспадал с плеч тяжёлыми складками, а серебряная застёжка у воротника поблёскивала в лунном свете. Ни спешки, ни тревоги в облике Лианора не было. Он приближался неторопливо, но почему-то никто не сомневался, что именно ему теперь принадлежит власть над происходящим.

Жеребец остановился всего в нескольких шагах от нас и недовольно ударил копытом по брусчатке. Из его ноздрей вырывалось облачко пара.

Лианор скользнул взглядом по обнажённым клинкам, задержался на мече в моих руках, а затем посмотрел на Нортала. Выражение его лица оставалось безмятежным, однако стражники почему-то поспешили опустить оружие.

— Принц Лианор Вальдек, это моя невеста, и вас проис-

ходящее не касается! — заявил мой бывший женишок.

Нортал старался говорить властно, но после недавнего визга его голос звучал не слишком убедительно. Он расправил плечи и выпятил грудь, словно хотел казаться выше, однако рядом с сидевшим на коне Лианором выглядел капризным ребёнком, требующим вернуть отнятую игрушку.

Тёмные брови каймаркского принца едва заметно приподнялись.

— Насколько мне известно, вы только что расторгли помолвку, разве нет? — спокойно уточнил он.

Он не повысил голоса и не произнёс ни единой угрозы. И всё же в его тоне прозвучало нечто такое, отчего советник Нортала нервно промокнул платком шею, а несколько придворных, когда только успели тут оказаться, поспешно отвели глаза.

— Я имею право наказать даже бывшую невесту! — взвизгнул Нортал — Тем более она подняла против меня меч!

Я возмущённо вскинула голову.

— После того как ваши стражники попытались схватить меня по вашему приказу!

— Молчать! Тебе никто не позволял говорить!

— А вам никто не позволял казнить людей из-за уязвлённого самолюбия, но это вас почему-то не останавливает.

— Видите?! — обратился он к Лианору, словно рассчитывал найти в нём поддержку — Она совершенно неуправ-

ляема! Эта женщина не знает ни почтения, ни своего места!

Лианор перевёл взгляд на меня.

На его губах промелькнула тень улыбки.

— Неуправляема, говорите?

Мне совершенно не понравилась прозвучавшая в его голосе заинтересованность.

— Именно! — Нортал воспринял его слова по-своему — Поэтому я сам решу, как с ней поступить.

— Боюсь, это уже не ваше дело — холодно заметил Лианор. — Вы публично отказались от леди Валирии и объявили о расторжении помолвки. Следовательно, она больше не связана с вами никакими обязательствами.

— Но...

— Или вы намерены взять свои слова обратно?

Нортал задохнулся от возмущения.

На него смотрели десятки придворных. Признать, что он передумал, значило окончательно выставить себя посмешищем. Особенно после продолжительной речи о моей распущенности и недостойнстве. Однако согласиться с Лианором означало признать, что он утратил право распоряжаться моей судьбой.

Несколько мгновений Нортал мучительно пытался найти выход из ловушки.

— Разумеется, нет! — наконец выпалил он — Но её необходимо наказать за дерзость!

— Что ж, в таком случае девушка действительно свобод-

на.

Лианор произнёс это таким тоном, словно только что получил подтверждение чему-то чрезвычайно важному.

Прежде чем кто-либо успел понять его намерения, он легко соскочил с коня. Движение получилось настолько стремительным и отточенным, что тяжёлый тёмный плащ взметнулся за его спиной подобно крыльям огромной птицы. Жеребец переступил с ноги на ногу, но остался на месте, повинаясь едва заметному движению руки хозяина.

Принц направился ко мне.

Я невольно отступила, но сразу остановилась, не желая показывать страх. Конечно, рядом находился человек, по вине которого я погибла четыре раза, однако сейчас он ещё не был ни императором, ни завоевателем. Передо мной стоял всего лишь молодой принц Каймарка.

Правда, от этого почему-то не становилось спокойнее.

Лианор остановился в шаге от меня. Его взгляд скользнул по моему лицу, по растрёпанным волосам, порванному подолу и обнажённому мечу. Я внезапно осознала, насколько странно выгляжу: босая, взъерошенная, с чужим оружием в руке и толпой стражников вокруг.

Наверное, не такой он представлял себе нашу вторую встречу.

Впрочем, и я её представляла совсем иначе.

— Отдайте меч — негромко произнёс Лианор.

Я настороженно прищурилась.

— Зачем?

— Он вам сейчас не понадобится.

— Не могу сказать, что последние несколько минут убедили меня в этом.

В его глазах мелькнуло веселье.

— Я не позволю им причинить вам вред.

Удивительно, но прозвучавшие слова показались не обещанием, а свершившимся фактом.

После короткого колебания я перевернула меч рукоятью вперёд и протянула его Лианору. Он принял оружие и небрежно передал ближайшему стражнику. Тот поспешил убрать клинок в ножны, словно боялся, что принц передумает.

А затем произошло нечто совершенно невероятное.

Лианор Вальдек опустился передо мной на одно колено. Его плащ широким полукругом лёг на брусчатку. Одну руку Лианор согнул в локте, прижав раскрытую ладонь к груди со стороны сердца, а вторую протянул мне. Несмотря на холодные камни под коленом и десятки устремлённых на него взглядов, он выглядел совершенно невозмутимым.

— Леди Валирия Эльдриган— торжественно произнёс он — удостоите ли вы меня чести стать моей невестой?

Мир вокруг меня замер.

Несколько мгновений я могла лишь молча смотреть на него, пытаясь убедиться, что не ослышалась. Возможно, недавние события окончательно лишили меня рассудка.

Другого объяснения происходящему я не находила.

Что это вообще такое?

Как это понимать?

Мой будущий убийца предлагал мне выйти за него замуж!?